

4.

- Да откуда ты-то знаешь? - скептически шепнул Игаша.

- Оттуда, - коротко ответил Михон. - Я ее однажды на остановке видел!

- И чего?

- Ничего: Сидит как кукла, вроде на меня смотрит, а в то же время мимо. Я ей так кивнул - здравствуй, мол, Анна Евгеньевна: Ноль эмоций! А тут автобус подъехал. Ну, значит, я забираюсь внутрь, сажусь, а она плюхается прямо напротив меня! Я снова ей улыбнулся, а она кондуктору деньги сует, сдачу берет, и опять - тишина! . .

- А по краям - мертвые с косами, да? - съехидничал Игаша.

- Да пошел ты: - беззлобно ругнулся Михон и продолжил:

- Короче, мне так в лом стало - сидеть рядом с ней! Я такой встаю, чтобы типа перейти на другое место, а тут светофор!

- Причем тут светофор? - недоуменно спросил Игаша.

- Ну, при том, что автобус ка-ак остановится, все ка-ак повалится на меня: А я, блин, как раз рядом с Анной оказался! . . Ну, короче, я придавил ее немножко: Она как ругнет меня!

- Она мягкая на ощупь?

- Я ж сказал, что привалился! Я не щупал ее, ты че!?

- Ну и что? - Игаша скривил губы. - Когда в автобусе толпа прижимает меня к бабе, я щупаю ее всем, чем соприкасаюсь - плечом, бедром, спиной: Про руки уж и не говорю!

- Как это ты спиной щупаешь? - поразился Михон.

- Ну не в прямом смысле, конечно: - Игаша снисходительно причмокнул. - Понимаешь, я: ощущаю ее тело: Как бы глаза у меня там: Я словно вижу: через одежду:

Из-за угла неслышно вынырнул Толян.

- Все в порядке - пошли! Сторож в каморке сидит! . . Только тихо! Я ваш шепот за километр услышал! . . Че базарили-то?

- У Игаша глаза на спине:

- А на языке волосы? . . Ладно, все, тихо! . .

5.

- Ты на гитаре играешь? - Маринка сидела у окна и осторожно выглядывала на улицу.

Сашка вздрогнул.

- С чего ты взяла?

- Ну вон гитара лежит: В углу.

Парень обернулся и задел "грудью" стол. Мысленно чертыхнувшись, Сашка внезапно понял, что он устал чувствовать себя неловко. Устал настолько, что даже не было сил плюнуть на все. Его словно несло по течению.

Гитара оказалась старым пыльным инструментом, изготовленном на мебельной фабрике.

Прикасаться к ней не хотелось, но Сашка все равно провел пальцами по струнам, и те отозвались разноголосым гулом.

- Расстроенная... - вздохнула Маринка, не поворачиваясь.

6.

Анна Евгеньевна стояла в холле первого этажа и рассматривала настенную мозаику. В ожидании милиции делать все равно пока нечего, а возвращаться в сторожку было... некомфортно, что ли.

Ее взгляд привлекла эта настенная живопись.

Сотни раз она проходила мимо, торопясь на урок или домой, и ни разу, ни единого разу даже не посмотрела на эти маленькие разноцветные камушки, которые держались на стене непонятно как. Впрочем, в этом не было ничего удивительного - избитые сюжеты, затасканные образы, вечные, как нафталин, идеи и призывы.

Вот пионер громко дудит в начищенный до блеска горн...

Вот стайка юных школьниц торжественно сажает деревце...

Вот старшеклассники крепко прижимают к груди стопку учебников и широко раскрытыми глазами смотрят вперед, туда, где их ждет неизвестность. В их синих глазах страх и любопытство. А ноги уже делают первый шаг...

А вот...

Анна Евгеньевна замерла на месте. Сполох мыслей взметнулся, как искры от потревоженного пионерского?

костра: отряд верных ленинцев с барабанщиком во главе твердо марширует к большому космическому кораблю... а у знаменосца из спущенных штанишек торчит...

Учительница изумленно поморгала глазами. А потом провела взглядом дальше.

И чем дальше она смотрела, тем смелее и откровеннее становились сюжеты.

7.

- Церковь! - спокойно произнес Толян, деятельно орудуя в замочной скважине самодельным ключом. - Тут раньше церковь была! . .

Игаша лишь пренебрежительно отмахнулся.

Михон промолчал. Он раскаивался, что ввязался в это дело, потому что об этом уже где-то слышал.

Ключ тихонько позвякивал в разболтанном замке, и лицо Толяна, покрытое капельками пота, при неярком коридорном свете показалось внезапно старым и злым.

В коридоре стало нестерпимо душно. Такая духота бывает на послеполуденных занятиях, когда у всех уроки уже закончились, и только твой несчастный класс по велению дурацкого расписания обязан слушать нудную географию и пялиться на выцветшие плакаты двух полушарий с голубыми пятнами океанов. Географичка вредная; и в классе непривычно тихо, тоскливо и тяжело...

- Давай быстрее! . . - с досадой прошептал Михон, и тут замок натужно щелкнул.

Деревянная крашеная дверь дрогнула и чуть приоткрылась. Толян снисходительно глянул на товарищей, убирая отмычку в карман.

Три подростка проскользнули внутрь класса и растворились в темноте.

8.

Маринка жадно читала Сашкину тетрадь. С детства привыкшая все брать без разрешения и всюду совать свой любопытный нос, девчонка ни минуты не колеблясь, залезла в чужие записи, едва сторож вышел из каморки.

Немного недоуменно полуболававшись на рисунок, она начала читать плохо разборчивые строчки, написанные мелким почерком.

И почти тут же поняла, что здесь - "про это"...

9.

Сашка быстро шагал по коридору, стараясь не очень громко шуршать пакетом с одеждой. Он уже много раз поблагодарил себя за такую предусмотрительность. И хотя его ужасно раздражало такое наступление его первого дежурства, все же он был несказанно счастлив. Ворваться в туалет! В мужской, разумеется! Быстро скинуть все женские причиндалы! Шарик с водой, скорее всего, придется порвать и выкинуть... Но шарик - это мелочь! Главное - косметика! Она легко мажется, но трудно смывается... И все ж это лучше, чем пассивно сидеть в каморке в ожидании неминуемо неприятной развязки! Не забыть бы еще пакет с вещами куда-нибудь захватить! . . Да-да, пакет с вещами... пакет...

10.

Анна Евгеньевна жадно всматривалась и вчитывалась в многообразие рисунков, все более и более походивших на египетские иероглифы. С детства ненавидевшая иностранные языки, женщина с удивленным удовлетворением отмечала, как легко ей дается расшифровка, какие интересные и весьма любопытные факты буквально выпрыгивают из стенок - история здания, бывшей церкви, построенной на месте...

Анна Евгеньевна затаила дыхание.

11.

Ритуал начался.

Парты, сдвинутые к задней стене кабинета, смутно виднелись при неровном отблеске свечного пламени, более всего напоминая перекрученный в страшных судорогах громадный скелет допотопного чудовища.

Игаша и Михон молча наблюдали за манипуляциями Толяна. Приготовления начинались, как обычно, с хихиканьем и приколами, но через пару минут его движения, бывшие доселе бестолковыми и неуверенными, превратились в аккуратную работу мастера. Толян уже почти не заглядывал в книгу, расчерчивая мелом пол. Михону подумалось о том, как часто его приятель перелистывал те страницы...

Игаша заморожено смотрел как крошится синий мелок, как скрипят старые половые доски, покрашенные в противный темно-коричневый цвет, как красиво правильно? вырисовывается большой круг с пересечениями, звездами, рисунками и подписями.

- Вы принесли то, что я просил? - внезапно спросил Толян, не отрываясь от рисования, и

спина его напряглась.

Д-да. . - выдавил из себя Игаша и нерешительно улыбнулся.

Михон промолчал. Ему очень хотелось уйти.

12.

Маринка вытерла пот со лба и огляделась вокруг невидящими глазами. Ледяная иголочка страха кольнула внутри - вдруг ее уже застукали за чтением явно запрещенного, нелегального, потайного, крамольного даже в это стремительно меняющееся время.

В камерке никого не было.

Густая тишина окутывала Маринку ватным одеялом, и лишь где-то вдалеке глухо бухали трубы отопления, похожие на удары сердца. Девчонка облизнула пересохшие губы и с легким стоном высвободила затекшую ногу. Почему же здесь так жарко?

В тетрадке оставались еще записи, но Маринка больше не могла читать. Она была переполненная чашка, в нее больше не влезало. Однако прочитанного хватило на то, чтобы легкий ветерок мыслей пронесся в голове.

Сомнений не было.

Так отличники выходят к доске с твердо выученным уроком, точно зная, что сейчас они получают "пять" как минимум... а максимум зависит от темперамента учителя. И вот начинается движение из-за парты: взгляды устремляются на худенькую фигуру, а она, делая вид, что ее это несколько не волнует и ничуть не касается, радостно ступает по проходу к столу учителя, как бегун к заветному финишу стометровки...

Маринка расстегнула пуговичку на блузке.